

МАРГАРЕТ МИД

СМЕРТЬ, СЕКС И ПАПЫ-МАМЫ

Фрагмент исследования Маргарет Мид «Взросление на Самоа: половое созревание и секс в примитивных обществах» (Coming of Age in Samoa: A Study of Adolescence and Sex in Primitive Societies, 1928). Мид анализирует причины того, почему у жителей Самоа нет неврозоз и сексуальных проблем, и приходит к выводу, что наши моральные представления о семье, ребёнке, сексе и норме нуждаются в пересмотре. Открытия, сделанные Мид, возмутили американское общество в первой половине 20-го века, и легли в основу грядущей сексуальной революции.

На протяжении девяти месяцев мы внимательно следили за жизнью самоанских девочек. Мы наблюдали за тем, как из младенцев они превращались в нянек, учились разжигать очаг и плести красивые циновки, как они уходили из своих детских компаний и становились активными членами большой семьи; как они, довольствуясь годами случайных половых связей, откладывали свое замужество на как можно более долгий срок; как, наконец, они выходили замуж и рожали детей, повторяющих их жизненный цикл.

Мы провели эксперимент, ставящий задачей выяснить, как будет развиваться человек в обществе, весьма далеком от нашего.

Попав на Самоа, мы встретили девочек, проходящих через тот же процесс физиологического развития, что и наши: у них прорезались, а затем и выпадали молочные зубы, потом у них прорезались коренные зубы; они вытягивались и делались неуклюжими; с первой менструацией они достигали половой зрелости, постепенно созревали физически и становились готовыми к тому, чтобы произвести на свет новое поколение.

— Верно ли, что процесс взросления, в ходе которого маленькая девочка становится взрослой женщиной, с его внезапными и бросающимися в глаза физическими изменениями, приводящими к половой зрелости, сопровождается спазматическим, эмоционально отягченным развитием, пробуждением религиозного чувства, расцветом идеализма, большой жадой самоутверждения перед лицом авторитета?

— Является ли юность для растущей девушки столь же неизбежным периодом

умственного и эмоционального дискомфорта, как время, когда у ребенка режутся зубы, время его страданий?

— Можем ли мы считать, что юность — это такое время в жизни каждой девочки, которое столь же обязательно связано с синдромами конфликта и стресса, как и с физическими изменениями ее тела?

Наблюдая самоанских девушек во всех проявлениях их жизни, мы старались ответить на все эти вопросы и пришли к выводу, что ответ может быть только отрицательным. Юная девушка на Самоа отличается от своей сестры, еще не достигшей подовой зрелости, в одном существенном отношении: у нее произошли определенные физиологические изменения, которые отсутствуют у ее младшей сестры. За этим исключением мы не нашли никаких других существенных различий, которые позволили бы отграничить группу девушек, проходящих через пубертатный период, от группы, которая созреет через два года, или от группы, которая прошла через этот период два года назад.

И если какая-нибудь девушка, прошедшая пубертатный период, малоросла, а ее кузина высока и способна делать более тяжелую работу, то между ними будут различия, связанные с их разными физическими задатками. Сам факт полового созревания мало скажется на жизни обеих девушек.

Высокая, сильная девушка будет изолирована от своих подруг, принуждена выполнять более взрослую и более долгую работу. В то же самое время ее кузина, растущая медленнее, все еще будет считаться ребенком и жить в мире детей, решая только детские проблемы.

Рецепт педагогов, рекомендующих специальную педагогическую тактику обращения с девушками-подростками, в применении к самоанским условиям гласил бы: высокие девочки отличаются от малорослых девочек того же самого возраста, и в их воспитании мы должны применять другие методы.

Здесь возникает другой вопрос. Если доказано, что период полового созревания необязательно привносит с собою особые трудности в жизнь девушки (а это можно считать доказанным, если находится общество, где дело обстоит именно так), то с чем тогда связаны бури и стрессы у американских подростков?

На этот вопрос можно дать простой ответ: в этих двух цивилизациях должно быть заложено нечто такое, что и объясняет существование этого различия. Если один и тот же процесс принимает различные формы в двух разных

социальных средах, объяснить это различие, основываясь на категориях самого процесса, невозможно. Ведь он один и тот же в обоих случаях. Отличается здесь только социальное окружение, и именно в нем мы должны искать объяснений.

Что же тогда есть на Самоа, чего нет в Америке, и что есть в Америке, чего нет на Самоа, основываясь на чем можно было бы объяснить это различие?

Причины этих различий глубоки и включают в себя два основных компонента. Первый из них связан со специфически самоанскими условиями, второй — с условиями жизни примитивного общества вообще.

Самоанский фон, делающий рост детей таким легким и таким простым делом, — это общий стихийный характер всего общества. Самоа — это место, где никто не делает очень больших ставок и не платит очень больших цен. Здесь никто не страдает за свои убеждения и не бьется насмерть во имя определенных целей. Конфликт между родителями и ребенком здесь решается тем, что ребенок переселяется жить на другую сторону улицы, между деревней и взрослым — тем, что взрослый уезжает в соседнюю деревню, между супругом и соблазнителем его жены — несколькими парами циновок тонкой работы.

Ни бедность, ни крупные несчастья не угрожают этим людям, и потому они не борются так судорожно за жизнь и не трепещут от страха перед будущим. Никакие безжалостные боги, быстрые в гневе и суровые в отмщении, не нарушают ровного течения их жизни. Войны и каннибализм давным-давно отошли в прошлое, и сейчас самой большой причиной для слез, если не брать саму смерть, оказывается поездка к родственникам на другой остров.

Здесь никто не спешит в жизни и никого не наказывают за отставание. Наоборот, здесь сдерживают одаренных, развитых не по возрасту, чтобы самые медленные могли сравняться с ними. И в личных отношениях самоанцев мы не видим сильных привязанностей. Любовь и ненависть, ревность и месть, печаль и переживание тяжелой утраты — все это лишь на недели.

С первого месяца своей жизни ребенок, передаваемый из одних случайных женских рук в другие, усваивает урок: не привязывайся очень сильно к одному человеку, не связывай очень больших ожиданий ни с одним из родственников.

Если Запад наказывает тех несчастных, которые, будучи рождены в его цивилизации, проявляют склонность к созерцанию и испытывают полнейшее отвращение к деятельности, то Самоа, можно сказать, благосклонно к людям,

хорошо усвоившим урок стихийной жизни, и сурово к тем, кто ей не обучился.

В этом своем спонтанном отношении к жизни, в стремлении избежать конфликтов и острых ситуаций Самоа резко отличается не только от Америки, но и от большинства других примитивных цивилизаций.

Сколь бы предосудительными нам ни казались такие установки и сколько бы мы ни утверждали, что такое неглубокое общество не может порождать ни значительных личностей, ни великого искусства, мы все же должны признать, что именно здесь и заложена главная причина безболезненного превращения самоанской девочки в женщину.

Там, где никто не испытывает глубоких чувств, подростка не будут мучить трагические ситуации. Там нет мучительного выбора, как тот, что стоял перед молодыми людьми в средние века, когда считалось, что служба богу требует полного отречения от мира. От самоанца не требуется ритуального отсечения собственного пальца, как от индейца прерий. Вот почему в перечень факторов, объясняющих найденное нами различие, мы должны поставить отсутствие глубоких чувств, которое здесь культивируется как жизненная привычка, сама сердцевина всех жизненных установок.

К этому надо добавить и то, что все изолированные примитивные цивилизации и многие цивилизации нового времени разительнейшим образом отличаются от нашей по числу возможных выборов, дозволенных каждому индивидууму.

Наши дети, подрастая, сталкиваются с целым миром возможностей, из которых им предстоит выбирать, и этот мир слепит их непривычные глаза. В религии они могут быть католиками, протестантами, спиритуалистами, агностиками, атеистами и даже вообще безразлично относиться к любой религии. Такая ситуация немыслима в любом примитивном обществе, не подверженном чуждым влияниям. Там одна совокупность богов, один обязательный ритуал, а если человек не верит, то единственная возможность неверия, открытая для него,— верить меньше, чем его собратья. Он может глумиться над их верой, но в его распоряжении нет другой, к которой бы он мог обратиться.

Мы заметили, что для некоторых подрастающих девочек необходимость выбора отношения к религии со временем могла привести к конфликту. Но пока церковь еще очень мало стремится вовлечь в свое лоно молодых неженатых людей, и потому подростки не стоят перед необходимостью принятия каких бы то ни было решений по этому вопросу.

Наши дети сталкиваются также с полудюжиной противоречащих друг другу моральных стандартов: здесь и разные половые морали для мужчин и для женщин, и требование единых норм в этом вопросе; одни группы признают полную свободу половых отношений, другие — абсолютную моногамию. Пробный брак, брак-товарищество, брак-сделка — все это возможные решения, выходы из семейного тупика, которые громко заявляют о себе нашим подрастающим детям. А реальная жизнь в окружении ребенка, кинофильмы и журналы рассказывают ему о массовых нарушениях любого кодекса правил, нарушениях, не притязающих ни на какую социальную реформу.

Самоанский ребенок не сталкивается ни с какими дилеммами подобного рода. Здесь секс — естественное, несущее удовольствие явление. Его полная свобода ограничена только одним фактором — социальным статусом. Дочери и жены вождя не должны пускаться во внебрачные приключения. У серьезных людей, у глав и матерей семейств должно быть слишком много важных дел и забот, чтобы у них оставалось время на случайные похождения. С этим половым кодексом согласна вся община.

Наши молодые люди видят перед собой целый ряд различных групп, верящих в разные вещи и пропагандирующих разные способы поведения. К каждой из этих групп могут принадлежать их близкие друзья или родственники. Так, отец девочки может быть империалистом и вегетарианцем. В литературе ему больше всего нравится Эдмунд Берк, в экономике он сторонник высоких тарифов. Он считает, что место женщины дома, а девушкам не следует закатывать чулки и кататься по вечерам с молодыми людьми. Ее же дед по матери может принадлежать к сторонникам Низкой епископальной церкви, верить в высокие идеалы, быть рьяным защитником прав государства, читать Рабле, ходить на музыкальные вечера и посещать скачки. Ее тетка — агностик, страстная феминистка и интернационалистка, возлагающая все свои упования на эсперанто, поклонница Бернарда Шоу и противница вивисекции, тратящая на защиту животных все свое свободное время. Ее старший брат, предмет ее преклонения, только что провел два года в Оксфорде. Он англо-католик, пылкий поклонник всего средневекового, пишет мистические стихи, читает Честертона и намерен посвятить всю свою жизнь поиску утерянного секрета красок средневековых витражей. Младший брат ее матери — инженер, убежденный материалист, так и не сумевший оправиться после чтения Геккеля в юности, он презирает искусство, верит в то, что наука спасет мир, высмеивает все, что было сказано и придумано до девятнадцатого века, и разрушает свое здоровье в научных экспериментах по устранению сна из жизни человека. У ее матери квиетистский склад ума, ее чрезвычайно интересуют индийская философия, она пацифистка, принципиальная созерцательница в жизни, и, несмотря на

пылкую привязанность к ней дочери, она не сделает ни одного шага ради того, чтобы заручиться ее детским энтузиазмом в поддержку своих взглядов.

Все это может иметь место в собственном семействе девочки. Прибавьте к этому различные группы, представленные, пропагандируемые, защищаемые ее подругами, учителями и книгами, которые она случайно прочтет, и вы получите чудовищный список областей возможного приложения энтузиазма, идей, ищущих преданных сторонников и несовместимых друг с другом.

Возможности выбора у самоанской девочки совсем иные. Ее отец — член церковного прихода, в нем состоит и ее дядя. Ее отец живет в деревне, где хорошо ловится рыба, а дядя — в деревне, где много кокосовых пальм. Ее отец — хороший рыбак, и в его доме всегда много еды, ее дядя — оратор и часто дарит ей материю из луба, великолепный наряд для танцев. Ее бабушка по отцу, живущая с дядей, может научить ее многим секретам врачевания; ее бабушка по матери, живущая вместе с нею, мастерски делает опакхала. Мальчики в деревне ее дяди принимаются в аумангу в более раннем возрасте, чем в ее собственной, и, когда они приглашают ее, с ними скучновато. В ее же собственной деревне есть три мальчика, которые ей очень нравятся. И великая дилемма, встающая перед ней, — оставаться ли жить с отцом или уйти к своему дяде — оказывается очень четкой конкретной проблемой, не создающей никаких этических затруднений, не связанной ни с какой абстрактной логикой.

Не будет оценен ее выбор и в плане личностных отношений, как у американской девушки: у той выбор какой-нибудь идеи может быть оценен родственниками как выбор точки зрения одного из них. Самоанцы будут уверены, что она предпочла одно местожительство другому по вполне основательным причинам: там лучше пища, у нее в той деревне любовник, она поссорилась с любовником в этой. В любом случае она делает конкретный выбор в рамках вполне понятной схемы поведения. Она никогда не встает перед необходимостью сделать такой выбор, который означал бы отказ от стандартов поведения своей социальной группы, как в нашем обществе, где дочь пуританских родителей стоит перед вопросом, разрешить или нет слишком смелые ласки.

Наши подрастающие дети сталкиваются не только со множеством групп, пропагандирующих различные и взаимоисключающие стандарты поведения. Перед ними стоит и более трудная проблема. Ткань нашей цивилизации состоит из такого числа нитей, что идеи, принимаемые одной группой, обязательно будут содержать в себе многочисленные противоречия. Поэтому, если даже девочка всем сердцем приняла идеи одной группы и поверила ее торжественным клятвам, что всякая иная философия жизни идет от антихриста и подлежит

анафеме, ее проблемы этим не кончаются.

Если одним детям нанесет самый тяжелый удар открытие того, что мнение отца о хорошем полностью расходится с мнением деда, а вещи, разрешаемые дома, запрещаются в школе, то для более глубоко мыслящих детей припасены трудности более тонкого порядка. Девочка, принявшая факт, что ей предстоит выбрать из целого ряда стандартов поведения, все еще может сохранять детскую веру в последовательность выбранной ею философии. Она надеется, что после такого сложного и мучительного выбора, выбора, который может ранить сердце ее родителей и отвратить от нее ее друзей, ее ожидает мир. Но она не учитывает простого обстоятельства: каждая из философий жизни, противостоящих ей, сама всего лишь плод полусозревшего компромисса.

Пусть она примет христианство. Тогда как ей быть с учением Писания о мире и ценности человеческой жизни и полным одобрением церковью войны? Компромисс между римской философией войны и господства и раннехристианскими доктринами мира и смирения, достигнутый семнадцать веков назад, все еще живет и в наше время, запутывая современного ребенка.

Если она примет философские предпосылки, на которых была основана Декларация независимости Соединенных Штатов, то перед ней возникнет проблема, как примирить веру в равенство людей, институционализованные гарантии равенства возможностей и наше обращение с неграми и азиатами.

Противоречия норм в современном обществе так бросаются в глаза, что даже самый глупый, самый беззаботный человек не может их не заметить. И эти противоречия так стары, так глубоко вошли в самую плоть тех полурешений или компромиссов, которые мы называем христианством, демократией, гуманизмом, что они запутают самый сильный, самый живой, самый аналитический ум.

Объясняя, почему проблема выбора, стоящая перед самоанской девушкой, не носит мучительного характера, мы должны обратиться к темпераменту самоанской цивилизации, которая обесценивает сильные чувства. Объясняя же отсутствие конфликтов в ней, мы должны главным образом обратиться к различию между простой, однородной, примитивной цивилизацией, которая изменяется так медленно, что каждому поколению она кажется статичной, и пестрой, разнообразной, гетерогенной цивилизацией.

Производя это сравнение, мы должны обратить внимание и на третье обстоятельство — отсутствие неврозов среди самоанцев и распространенность неврозов у нас. Мы должны исследовать те факторы в раннем воспитании

самоанских детей, которые и обеспечивают их последующее нормальное, не невротическое развитие.

Из исследований психоаналитиков и бихевиористов мы знаем, что огромное значение для развития ребенка играет среда, в которой он находится в первые годы своей жизни. Дети, взявшие плохой старт, часто плохо функционируют и позднее, когда оказываются перед лицом важного выбора. Чем более суровым оказывается этот выбор, тем интенсивнее конфликт, чем острее и мучительнее требования, предъявляемые к индивидууму, тем больше неврозов.

Из этого наблюдения следуют двоякие выводы. Отсутствие на Самоа трудных ситуаций, проблемы выбора, чреватого конфликтом, ситуаций, в которых страх, боль или тревога обострены до крайности, в значительной мере объясняет и отсутствие психической неадаптированности у самоанцев. Даже последний идиот не будет потерян в самоанской жизни, хотя в большом американском городе он должен был бы находиться под медицинским присмотром.

Кроме того, степень индивидуализации, диапазон вариативности на Самоа значительно меньше. В границах нашего более широкого диапазона отклонений от нормы неизбежно находятся и слабые, неустойчивые темпераменты. И в той же мере, в какой для нашего общества характерно большее развитие личности, в нем можно выявить и большую долю индивидуумов, сломленных усложненными требованиями современной жизни.

В раннем окружении самоанского ребенка имеются факторы, которые благоприятствуют развитию его нервной устойчивости. Свидетельством тому служит одно наблюдение: самоанские дети совершенно безболезненно проходят через те переживания, которые, как считается, чреватые самыми серьезными последствиями для развития личности в нашей цивилизации. Биографии людей в нашей цивилизации полны страданий, корни которых восходят к детским психическим травмам, вызванным столкновением с сексом, родами или смертью. Но самоанские дети с раннего детства и без каких бы то ни было вредных последствий для себя знакомятся и с тем, и с другим, и с третьим. Очень возможно поэтому, что в жизни маленького ребенка на Самоа имеются стороны, которые делают его особенно приспособленным к встрече с будущими жизненными трудностями.

Основываясь на этой гипотезе, целесообразно более детально рассмотреть те стороны повседневного окружения самоанского ребенка, которые сильнее всего отличаются от наших. Большинство из них связано с ситуацией в семье, то есть с тем непосредственным окружением ребенка, которое ранее всего и

самым сильным образом действует на его сознание.

Уже одна организация самоанской семьи радикально устраняет многие из тех ситуаций, которые, как полагают, приводят к нежелательным эмоциональным установкам. Младший, старший, единственный ребенок — всего этого здесь почти никогда нет, так как в доме много детей, с каждым из которых обращаются одинаково. Здесь очень мало детей, подавленных своей ответственностью, детей, командуемых другими, подчеркивающих свое превосходство, как это слишком часто бывает у нас со старшими детьми. Здесь нет и изолированных детей, осужденных на то, чтобы постоянно находиться в обществе взрослых, и лишенных товарищеских контактов с другими детьми, как это бывает с нашим единственным ребенком. Здесь никто не балует и не портит ребенка до такой степени, что его мнение о своих собственных достоинствах окажется безнадежно испорченным, как столь часто бывает с нашими младшими детьми. В тех же немногих случаях, когда условия самоанской семейной жизни приближаются к нашим, появляется и тенденция к возникновению тех же самых особых установок, связанных с порядком рождения, сильными аффективными связями с родителями, что и у нас.

Нельзя на Самоа найти и тесных связей между родителем и ребенком, которые оказывают столь решающее влияние на многих людей в нашей культуре, что подчинение родительской воле или же восстание против нее становится доминирующей чертой всей их жизни.

Дети воспитываются в доме, где всегда есть пять-шесть взрослых женщин, чтобы позаботиться о них, вытереть их слезы, и пять-шесть взрослых мужчин, каждый из которых — авторитет для ребенка. Все это не позволяет ему так резко различать между своими родителями и остальными взрослыми, как это делают наши дети. Образ заботливой, нежной матери или вызывающего восхищение отца, столь важный фактор в определении аффективной жизни человека в последующие годы, у самоанского ребенка составлен из представлений о нескольких тетках, кузинах, старших сестрах, бабушках, из представлений о вожде, дядях, братьях и кузенах.

Если наш ребенок прежде всего усваивает, что у него есть нежная мать, особая и главная задача которой в жизни — забота о его благоденствии, и отец, на авторитет которого надо полагаться, то самоанский ребенок узнает в самом начале жизни, что его мир состоит из иерархии взрослых мужчин и женщин, иерархии, где он может рассчитывать на заботу каждого и должен считаться с авторитетом каждого.

Отсутствие сильных чувств, направленных на одного человека, вытекающее из расплывчатости эмоциональных связей в семье, еще более усиливается отделением мальчиков от девочек, так что ребенок рассматривает детей противоположного пола как родственников, контакт с которыми находится под знаком табу, безотносительно к их индивидуальностям, или же как врагов в настоящем и любовников в будущем, и опять же безотносительно к их индивидуальности. А замена родственными связями связей, основанных на предпочтении, при возникновении дружбы завершает картину.

К моменту достижения половой зрелости самоанская девушка твердо усваивает, что выбор друзей и любовников необходимо делать, руководствуясь определенными правилами. Другьями должны быть родственники ее собственного пола, любовниками — неродственники. Всякие личные влечения или чувство духовной близости, испытываемое к родственнику противоположного пола, должны быть с презрением отброшены.

Все это означает, что случайные половые связи не несут с собой никакой личной привязанности, что брак по расчету, продиктованный экономическими и социальными соображениями, легко принимается и легко, без сильных эмоций разрывается.

Эта картина самоанского дома находится в самом резком противоречии с той, которую дает нам обычная американская семья с малым числом детей, близкими и, теоретически говоря, постоянными связями между родителями, драмой прихода в мир каждого нового ребенка, отнимающего у предыдущего большую долю родительского внимания. Подростающая девочка в таком доме привыкает зависеть от немногих и ожидать наград в жизни от определенных типов личностей. С этой первой установкой на предпочтение в своих личных отношениях она и растет, играет как с мальчиками, так и с девочками, близко знакомится с братьями, кузенами, школьными товарищами. Она думает о мальчиках не как о классе существ, но как об индивидуумах, милых, как брат, которого она нежно любит, или же неприятных, старающихся командовать ею, как брат, с которым она всегда в плохих отношениях. В ней развивается система предпочтений определенных типов внешности, темперамента, характера, создающая основы для совсем иных установок взрослой женщины, в которых уже важную роль играет выбор.

Самоанская девушка никогда не испытывала счастья романтической любви, как мы его понимаем, но она и не страдала, как старая дева, которая либо не понравилась никому, либо не нашла никого, кто поправился бы ей. Не страдала она и как разочарованная жена от брака, который не ответил ее запросам.

Научившись дисциплинировать наше половое чувство, связывать влечение к определенному человеку со всей его личностью, мы, может быть, склонны считать наше решение половой проблемы лучшим, чем самоанское. Но для того чтобы добиться более высоких, как мы считаем, стандартов отношений, мы готовы расплачиваться фригидностью в брачных отношениях и массой бесплодных незамужних женщин, ведущих безрадостную жизнь в американском и английском обществе. И, даже допуская желательность развития в нас этой обостренной избирательной реакции на личность в наших сексуальных отношениях как более достойной человека (в сравнении с автоматической недифференцированной реакцией полового влечения), мы все же в свете самоанского опыта должны счесть наши методы слишком дорогими.

Строгое отделение мальчиков и девочек, родственных по крови; возведенная в некий общественный институт враждебность между детьми противоположного пола в допубертатный период — все это черты самоанской культуры, к которым мы не питаем ни малейшей симпатии. Мы стремимся устранить из нашей жизни пережитки подобных установок, например школы раздельного обучения, вводя совместное обучение мальчиков и девочек. Мы хотим познакомить один пол с другим так полно, чтобы была утрачена острота восприятия половых различий на фоне более ярких и более важных различий индивидуальностей.

В самоанской системе табу и сегрегации, в воспитании у человека реакции скорее на группу, чем на индивидуума, нет очевидных преимуществ. Но если мы посмотрим на другую сторону этой черты самоанской культуры, то наш вывод уже не будет столь категоричным.

В чем преимущества маленькой биологической семьи, противопоставляющей свой замкнутый круг привязанностей враждебному миру, круг интенсивных аффективных связей между родителями и детьми, связей, предполагающих активные личностные отношения от рождения до смерти? В углублении и обогащении чувств, конечно, но в углублении, покупаемом ценою того, что многие на протяжении всей своей жизни остаются зависимыми детьми. Это углубление аффективных связей между родителями и детьми весьма сильно препятствует детям идти своими путями, делает подчас ненужно мучительным необходимый выбор, превращает его в проблему, пронизанную сильными эмоциями. Не слишком ли все это высокая цена за обогащение эмоциональной жизни, которого можно было бы добиться и иным путем, например совместным обучением? Решая этот вопрос, интересно отметить, что культуры с большими семьями, семьями, включающими несколько взрослых мужчин и женщин, по-видимому, предотвращают появление у ребенка болезненных установок, получающих различные ярлыки: эдипов комплекс, комплекс Электры и т. д.

Картина жизни на Самоа показывает нам, что не нужно так полно направлять чувства ребенка на родителей. И, отвергая ту часть самоанской системы воспитания чувств, которая основывается на сегрегации полов допубертатного периода, как бесполезную для нас, мы можем многому научиться у культуры, в которой дом не доминирует над жизнью ребенка и не искажает ее.

Наличие в нашей культуре многочисленных страстно защищаемых и противоречащих друг другу идей и громадное влияние родителей на жизнь детей дополняют друг друга и создают положения, насыщенные страданиями.

На Самоа же то обстоятельство, что отец какой-нибудь девочки — властный догматик, отец ее кухни — ласковый, рассудительный человек, а отец ее другой кухни — блестящая эксцентричная личность, повлияет на этих трех девочек только в одном отношении: на выбор ими места жительства, если каждый из перечисленных отцов к тому же является и главой семейства. На разные темпераменты этих трех мужчин не окажут никакого воздействия на отношение этих трех девочек к сексу или религии, ибо отцы играют слишком малую роль в их жизни. Их воспитывает не отдельное лицо, а армия родственников, воспитывает в соответствии с общепринятыми стандартами, и личность их родителей очень слабо сказывается на этом процессе. Бесконечная цепь взаимодействий, причин и следствий сглаживает индивидуальные различия в стандартах поведения, эти различия не увековечиваются и передачей ребенку установок родителей. Можно было бы попытаться ослабить, хотя бы слегка, сильное влияние, оказываемое родителями на жизнь своих детей как раз в тех областях нашей культуры, которые насыщены ситуациями выбора. Тем самым мы бы устранили один из самых действенных случайных факторов, определяющих выбор жизненного пути каждым человеком.

Самоанские родители сочли бы непристойными и отвратительными любые моральные увещания, вызывающие к чувству личной привязанности ребенка: “Веди себя хорошо — пожалей мать”, “Хотя бы ради отца сходил в церковь”, “Оставь в покое сестру, ты видишь, как отец переживает”. Там, где существует один, и только один стандарт поведения, такое недостойное смешение этики и чувства, слава богу, устранено. Но там, где много стандартов, и там, где все взрослые изо всех сил стремятся склонить своих детей выбрать то, что они сами выбрали в свое время, именно там и прибегают к этим нечестным и неприличным средствам. Верования, ритуалы, типы поведения навязываются ребенку во имя родственных чувств. С идеальной картиной свободы индивидуума и достоинства личностных взаимоотношений не очень вяжется то неприятное обстоятельство, что мы выработали форму семейной организации, которая часто калечит нашу эмоциональную жизнь и препятствует развитию

очень многих способностей личности, развитию, ищущему собственных путей.

Третьим существенным элементом самоанской модели эмоциональной жизни, основывающейся на устранении личных привязанностей и чувств, сконцентрированных на одном человеке, является дружба. И именно здесь личность прежде всего и подводится под общие категории и воспитывается реакция не на нее, а на эту общую категорию: “родственник”, “жена оратора моего мужа”, “сын оратора моего отца” или же “дочь оратора моего отца”. Соображения родственности душ, единомыслия безжалостно подавляются во имя регламентированного коллективизма.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем сказать, что самоанское общество резко отличается от нашего неиндивидуализированностью чувства, в особенности полового. Частично это и объясняет легкую приспособляемость на Самоа брачных пар друг к другу в браках по расчету, отсутствие у них фригидности или психической импотенции.

Неиндивидуализированность чувства, в свою очередь, может быть объяснена существованием больших гетерогенных семей, сегрегацией полов до достижения половой зрелости и регламентацией дружбы, формированием дружеских связей на основе родственных. Но, сожалея о цене, которую приходится платить за индивидуализацию полового чувства, сожалея о неприспособившихся людях, о неудавшихся жизнях, мы тем не менее голосуем за развитие глубоких личностных чувств в отношениях мужчин и женщин как за благо, от которого мы никогда не откажемся.

Однако наше исследование трех факторов, создающих в самоанском обществе эту деперсонализацию чувств, показывает нам, что желаемое нами развитие личностного сознания может быть достигнуто и через совместное обучение, и через свободную, нерегламентированную дружбу, и, возможно, через устранение пороков, присущих слишком интимной организации семьи. Тем самым мы смогли бы уменьшить тяжесть той платы, которую в лице неприспособленных мы должны платить за нашу систему воспитания, не жертвуя ни одним из ее столь драгоценных завоеваний.

Следующее различие между самоанской культурой и нашей, различие, объясняющее отсутствие невротиков на Самоа, — это различие в отношении к сексу и подготовка детей к вопросам, связанным с рождением и смертью человека. Ни секс, ни рождение не считаются здесь чем-то, о чем дети не должны знать. Самоанский ребенок не должен ни скрывать свои знания из страха быть наказанным, ни мучительно думать над плохо понятными ему вещами.

Таинственность, невежество, знание, смешанное с чувством вины, болезненные фантазии, приводящие к уродливым представлениям, знание чисто физической стороны секса без знания о сопровождающих его удовольствиях, знание факта рождения без представления о сопровождающих его муках, знание факта смерти без знания сопутствующего ей разложения — вот ключевые проблемы нашей фатальной философии предохранения детей от знакомства с отвратительными истинами.

Всего этого нет на Самоа. Самоанский ребенок, тесно связанный с жизнью множества родственников, приобретает большой и многообразный опыт, на котором и будут основываться его эмоциональные установки.

Наши дети, общение которых ограничивается пределами узкого, интимного круга одной семьи, часто связывают свои переживания факта рождения ребенка или смерти взрослого только с рождением младшего брата или сестры или же смертью одного из родителей или своих бабушек и дедушек. Их знание половой сферы, если не считать детских пересудов, основывается на случайно увиденных половых сношениях их родителей.

Все это имеет целый ряд очевидных недостатков. Младший ребенок в семье, где длительное время не было рождений и смертей, становится взрослым, так и не получив каких-то личных впечатлений, связанных с беременностью, опыта общения с маленькими детьми, никогда не вступив в контакт со смертью.

Невежественный, неопытный ум явится плодородной почвой для множества плохо усвоенных и фрагментарных представлений о жизни и смерти, плодородной почвой для роста таких мнений и чувств, которые не принесут их владельцу в будущем ничего, кроме несчастий.

Далее, дети в этом случае приобретают опыт рождения и смерти из чрезмерно эмоциональных источников. Рождение ребенка в их собственной семье может оказаться единственным фактом рождения, с которым они непосредственно столкнутся в течение первых двадцати лет своей жизни. Все их отношение к родам будет основываться на случайных обстоятельствах именно этого конкретного события. Если это было рождением младшего ребенка в семье, которому предстояло отнять место старшего, если мать умерла при родах, если ребенок родился деформированным, то и рождение, как таковое, может показаться чем-то ужасным, связанным только с неприятными последствиями. Если единственной смертью, увиденной нами в жизни, будет смертное ложе нашей собственной матери, то и факт смерти самой по себе может оказаться навсегда связанным со всеми теми переживаниями, которые вызвала эта

тяжелая утрата. Именно поэтому отношение к смерти у такого человека в будущем при столкновении с другими смертями может навсегда утратить чувство меры. Также и половые сношения, увиденные ребенком раз или два в жизни, да еще к тому же между близкими родственниками, людьми, к которым ребенок испытывает сложные чувства, могут привести к возникновению в его сознании целого ряда ложных представлений.

Истории болезни невротических детей полны случаев, когда в основе этиологии невроза лежало неправильное понимание детьми увиденного ими сексуального акта: они увидели в нем борьбу, сопровождаемую гневом и наказанием, и отшатнулись от этого эмоционально напряженного зрелища.

Итак, опыт наших детей в вопросах, относящихся к жизни и смерти, зависит от случая, да и этот опыт им позволено приобретать только в условиях тесного семейного круга, то есть в самом неподходящем месте для усвоения некоторых общих фактов, тех фактов, в отношении которых чрезвычайно важно не иметь никаких особых искаженных установок.

Одна смерть, два рождения, один половой акт — вот тот еще щедрый материал приобретения опыта в этих вопросах для ребенка, воспитанного в условиях, отвечающих нашим представлениям об американском образе жизни. И если сравнить с этим число примеров, которые мы считаем нужным дать ребенку, чтобы научить его считать или разбирать английское предложение, то станет ясно, что здесь мы руководствуемся очень низкими стандартами наглядности.

Одна-две увиденные картины не дают никакой перспективы ребенку, никакой возможности поставить гротескные и непривычные физические детали жизни на принадлежащее им место. Из единичного знакомства с некоторыми фактами жизни, знакомства, происходящего в условиях интенсивного эмоционального стресса, в атмосфере, неблагоприятной для того, чтобы ребенок мог их действительно понять, возникают ложные, односторонние впечатления, идиосинкразии, отвращения, страхи.

Некое правило молчания, запрещающее детям говорить что бы то ни было об их переживаниях, вызванных всем этим, содействует укреплению ложных впечатлений, порочных эмоциональных установок. Вопросы вроде “Почему у бабушки такие синие губы?” быстро пресекаются.

На Самоа, где разложение наступает почти немедленно после смерти, откровенное отвращение к трупным запахам у всех участников похорон отнимает у физических сторон смерти какое бы то ни было особое значение.

По нашим же нормам ребенку не позволено воспроизводить свои впечатления, ему не разрешается их обсуждать и тем самым исправлять ошибочное в них.

С самоанским ребенком дело обстоит иначе. Половой: акт, беременность, роды, смерть — знакомые для него события. В цивилизации, где уединенность подозрительна, соседские дети всегда будут невозмутимыми свидетелями событий в доме, где умирает глава семейства или же у какой-нибудь женщины происходит выкидыш. Им столь же хорошо известна патология жизненных процессов, как и их норма. Одно впечатление корректирует более раннее, и это происходит до тех пор, пока подростки не смогут думать о жизни, о смерти, о чувстве, не обращая особого внимания на чисто физические детали.

Не следует, однако, предполагать, что простое видение детьми сцен рождения и смерти явится достаточной гарантией против развития нежелательных установок. По-видимому, в большей мере, чем сами факты, столь часто наблюдаемые детьми, на них влияет отношение взрослых к этим фактам. Для последних роды, секс, смерть — естественная, неизбежная структура существования, в котором они ожидают и участия своих детей. Наша столь часто повторяемая пропись — “неестественно” позволять детям присутствовать при смерти — показалась бы им столь же нелепой, как если бы мы сказали, что неестественно позволять детям видеть, как другие люди едят или спят.

Спокойное принятие присутствия детей при всех этих естественных сценах спасает ребенка от шока и с большей силой вовлекает его в атмосферу общего чувства, в которой ему таким достойным образом разрешено участвовать.

Некоторые американские родители верят в нечто похожее на самоанскую практику воспитания и позволяют своим детям видеть тела взрослых и тем самым приобретать более широкие познания о работе человеческого тела, чем это принято в нашей культуре. Но как только такой ребёнок покидает защитный кров своего дома, он сталкивается с губительным для него общественным мнением, считающим такие познания у детей отвратительными и противоестественными. Поэтому существует очень большая вероятность того, что эти родители принесут своему ребенку больше вреда, чем пользы, ибо их усилия здесь не поддерживаются необходимым общественным мнением.

Это еще один пример возможного источника неврозов в обществе, где каждый дом отличается от другого, ибо источником стресса оказывается тут скорее сам факт существования этих различий, чем их природа.

Именно на этом спокойном принятии фактов жизни самоанцы, вырастая, и строят

свое отношение к сексу. Одновременное пребывание в нескольких половых связях, их кратковременность, явное стремление избежать каких бы то ни было сильных эффектных привязанностей в половых отношениях, жизнерадостное использование для них любых предоставившихся возможностей, которые дает случай, как, например, в предположительной неверности жены, муж которой долго отсутствует, — все это делает секс на Самоа самоцелью, а не средством, чем-то таким, что ценится само по себе. Он вызывает энергичный протест только тогда, когда начинает привязывать одного индивидуума к другому.

Недооценка личностных отношений едва ли определяется сексуальными привычками этого народа. Скорее она представляет собой отражение более общей установки культуры, систематически игнорирующей личность. Но в этой же самой практике сексуальных отношений есть и один аспект, делающий возможным и такое признание личности, в котором отказано очень многим в нашей цивилизации: полное познание самоанцами секса, его возможностей, благ, которые он несет с собою, делает их способными познать подлинную природу секса. Они не склонны относить половые отношения к числу важных межличностных отношений и определяют их значимость только половым удовлетворением, доставляемым ими.

Самоанская девушка, которая пожимает плечами по поводу великолепной половой техники некоего юного Лотарио, ближе к пониманию секса как некой безличностной силы, не имеющей в себе никакого внутреннего обоснования, чем американская девушка, влюбляющаяся в первого же мужчину, который ее поцеловал. Они знакомы с вибрациями тела в ответ на половое возбуждение юноши, и так возникает их понимание сущностной безличности полового влечения, понимание, которому мы можем только позавидовать. Из их же слишком легкой, слишком случайной половой практики и возникает то игнорирование личностного в сексе, которое нам кажется таким неприятным.

До сих пор мы рассматривали вопрос, каким образом половая практика самоанцев уменьшает возможность возникновения у них неврозов. Игнорируя же наши представления об извращенности в этой сфере, употребляя это понятие лишь для обозначения редких случаев психической извращенности, они тем самым отнимают жизнь у целой сферы, рождающей неврозы.

Онанизм, гомосексуализм, статистически редкие формы гетеросексуальной активности не запрещаются и не возводятся в норму. Расширение диапазона форм половой активности предотвращает возникновение навязчивой идеи вины, которая столь часто лежит в основе наших невротических заболеваний. Большое разнообразие разрешенных форм гетеросексуальных половых

отношений делает любого индивидуума ненаказуемым за особые формы полового рефлекса. Более широкий диапазон того, что считается “нормальным” в сексе, создает такую атмосферу в культуре, при которой не возникает фригидность и психическая импотентность и всегда может быть создана удовлетворенность брачными отношениями.

Принятие нашей культурой подобного отношения к сексу без какого бы то ни было промискуитета внесло бы значительный вклад в решение многих наших брачных тупиков, освободило бы от клиентов наши дома терпимости.

Организация семьи и отношение к сексу, безусловно, должны быть отнесены к числу наиболее важных факторов, благодаря которым самоанский образ жизни порождает устойчивых, хорошо сбалансированных, крепких индивидуумов. Но в этой связи также необходимо отметить и общую педагогическую максиму самоанской культуры, максиму, не одобряющую скороспелость и снисходительно относящуюся к медлительным и неуклюжим. Здесь не подхлестывают неспособных, не задают им темпа, превышающего их данные, темпа, в котором они, измученные бесполезными усилиями, капитулируют навсегда.

Эта педагогическая политика затушевывает индивидуальные различия и тем самым сводит к минимуму ревность, соперничество, соревнование — все те социальные установки, которые вырастают из различия способностей и имеют столь далеко идущие последствия для личности взрослого.

Еще одним фактором в самоанской педагогике, приводящим к появлению иных культурных установок, являются место труда и игры в жизни самоанских детей. Самоанские дети не учатся работать, учась играть, как это бывает у многих примитивных народов. Не существует у них и санкционированного периода отсутствия обязанностей, как у наших детей. С возраста четырех-пяти лет они выполняют определенные работы, посильные для них как в физическом, так и в умственном отношении. Но все же это работы, имеющие значение для жизни всего общества.

Различие между нашими культурами здесь состоит не столько в количестве часов, отведенных на деятельность, управляемую взрослыми, и на свободное время, сколько в принципиально иных подходах к этой деятельности.

Превращение педагогики в такую сферу деятельности, которой занимаются профессионалы, и специализация производственных процессов привели к тому, что индивидуальное домашнее хозяйство лишилось многих своих прежних функций. Наши дети не чувствуют поэтому, что деятельность, осуществляемая

ими под чьим-то руководством, близка миру взрослых дел. Хотя это отсутствие связи является чем-то скорее кажущимся, чем действительным, оно тем не менее достаточно заметно, чтобы сильно влиять на отношение детей к деятельности, где ими управляют.

Самоанская девочка, нянчащая ребенка, несущая воду, подметающая пол, или же маленький мальчик, роющий землю в поисках червей, собирающий кокосовые орехи, не стоят перед проблемами такого рода. Полезность их работы для них очевидна. И эта практика поручать детям работу, которую они могут выполнить хорошо, и никогда не разрешать им неуклюже, неэффективно возиться с инструментами взрослых, как делаем мы (когда они, например, бессмысленно портя вещь, стучат по клавишам отцовской пишущей машинки), приводит к совершенно иному отношению к труду.

Американские дети проводят долгие часы в школах, решая задачи, явным образом никак не связанные с деятельностью их отцов и матерей. Их участие в труде взрослых осуществляется либо в игровой форме — игрушечные чайные сервизы, куклы, игрушечные автомобили, либо же в виде бессмысленной и опасной возни с осветительными приборами.

Так у наших детей вырабатывается набор ложных категорий — школа, работа, игра: работа — для взрослых, игра — для удовольствия детей, а школа — совершенно необъяснимая неприятность, за которую, правда, можно получить какие-то компенсации. Во всех этих ложных разграничениях заложена большая вероятность возникновения отрицательных установок самого разного типа: апатическое отношение к школе, никак явным образом не связанной с жизнью; ложная дихотомия между трудом и игрой, которая может привести либо к страху перед работой, несущей в себе утомительную ответственность, либо же к последующему отношению к игре как к чему-то детскому.

Дихотомия самоанского ребенка совершенно отлична по своему характеру. Работа на Самоа — выполнение обязанностей, поддерживающих жизнь общины: посадка и уборка урожая, приготовление пищи, рыбная ловля, строительство жилищ, уход за детьми, приготовление подарков для свадьбы, для будущего ребенка, для унаследования титула, удовлетворение гостя. Все это — необходимые для жизни виды деятельности, в которых принимает участие каждый член общины, вплоть до самого маленького ребенка.

Работа на Самоа — это не способ купить право на свободное время. Там, где каждая семья производит для себя и пищу, и одежду, и мебель, где нет больших недвижимых капиталов и домашнее хозяйство высокого ранга отличается от

более скромного хозяйства всего лишь большей прилежностью в выполнении обязанностей, там вся ваша концепция сбережений, капиталовложений и отложенного удовольствия просто отпадает.

На Самоа работа — это скорее что-то такое, что длится все время для каждого человека. Там существует и общественное поощрение для трудолюбивых, и социальная терпимость к людям, едва зарабатывающим на жизнь. И там всегда есть досуг, досуг, заметьте, не являющийся результатом тяжелого труда или какого бы то ни было накопления капитала. Этот досуг — простой плод благоприятного климата, малой населенности, хорошо слаженной социальной системы и отсутствия социального спроса на показные траты. Игра же здесь то, что делают в свободное время,— способ заполнения больших интервалов свободного времени в структуре неутомительной трудовой деятельности.

Игра — это танцы, пение, охота, флирт, шутки, все виды сексуальной активности. Сюда также надо включить и обрядовые посещения жителями одной деревни другой — обычай, в котором работа тесно переплетается с игрой.

На Самоа поражает отсутствие каких бы то ни было различий между работой, которую необходимо делать и нельзя любить, и игрой как чем-то таким, что делают охотно, работой как главным делом взрослых и игрой как главным делом детей. Игры детей напоминают игры взрослых по своему характеру, интересу, ими вызываемому, и по их взаимоотношению с трудом. У самоанского ребенка поэтому нет никакого желания превратить деятельность взрослых в игру, перевести одну сферу в другую.

Самоанским детям не интересны куклы, они никогда не делают игрушечных домов, не пускают игрушечных корабликов. Маленькие мальчишки взбираются на настоящее каноэ и учатся управлять им в безопасных водах лагуны. Такое отношение к игре и труду в целом придает жизни самоанских детей большую цельность в сравнении с нашими.

Разумность жизни ребенка у нас определяется только путем сопоставления с поведением других детей. Если все другие дети ходят в школу, то ребенок, который туда не ходит, чувствует себя среди них неуютно.

Наше ощущение различия между заботами детей и заботами взрослых настолько обострено, что ребенка не учат оценивать себя и свое поведение сопоставлением с жизнью взрослых. Так детей часто приучают рассматривать игру как нечто недостойное само по себе, как то, чему взрослые с сожалением посвящают немногие минуты своего досуга. Самоанский же ребенок каждый

свой шаг в работе или в игре соизмеряет со всей жизнью общины; каждый элемент его поведения оправдан с точки зрения его ясно понятой связи с единственной нормой, известной ребенку, — жизнью самоанской деревни.

Столь сложное и расслоенное общество, как наше, не может рассчитывать на стихийное возникновение такой простой схемы воспитания. И здесь нам будет трудно найти способы участия детей в жизни в целом, способы соединения их школьной жизни со всей остальной жизнью вне школы. Но только это и придало бы им то же самое достоинство, которым самоанцы наделяют своих детей.

Последним отличием самоанской культуры от нашей, отличием, которое может сказываться определенным образом на эмоциональной устойчивости их детей, является то, что на детей здесь не оказывают давления с целью заставить их сделать важный выбор. От детей требуют, чтобы они учились, вели себя правильно, трудились, но их не заставляют спешить с выбором, который они должны сделать сами.

Самое первое в чем проявляется эта установка,— это табуирование отношений между братом и сестрой, главная норма скромности и приличий. И тем не менее точное время, когда это табу начинает соблюдаться, всегда предоставляется решению младшего из детей. Когда девочка достигнет сознательного возраста, возраста понимания, она сама почувствует “стыд” и установит те формальные барьеры, которые просуществуют до старости. Точно так же молодым людям никогда не навязываются и сексуальные отношения, не требуют от них и вступления в брак в нежном возрасте. Там, где возможность отклонения от принятых стандартов поведения мала, несколько лишних лет свободы действия не несут в себе никакой угрозы обществу. Ребенок, который позже начнет соблюдать табу отношений сестры и брата, фактически никому не угрожает.

Во этих сопоставлениях самоанской и американской культуры многие выводы лишь проливают дополнительный свет на нашу собственную практику. В некоторых из них, однако, можно найти указания на то, в каких направлениях нам следует ее изменять. Безотносительно того, одобряем или не одобряем мы решения человеческих проблем, предлагаемые другими народами, наше отношение к собственным решениям должно значительно обогатиться и углубиться их сопоставлением с аналогичными решениями у других. Поняв, что наши собственные методы несут ни необходимые условия человеческой природы, ни предустановления бога, но плод долгой и бурной истории, мы сможем глубже проанализировать каждый из наших институтов. На фоне других цивилизаций они будут выглядеть рельефнее, и, спокойно оценив их, мы не побоимся найти и них недостатки.

ТЕКСТ:

МАРГАРЕТ МИД, 1928

ПЕРЕВОД:

ИЗД-ВО "НАУКА", 1988

ОБЛОЖКА:

DEINO3330

ОФОРМЛЕНИЕ:

НАТАША МАШАРОВА

РЕДАКТУРА:

АНАТОЛИЙ УЛЬЯНОВ

НЬЮ-ЙОРК, 2013